

*Общеобразовательная школа
с углубленным изучением немецкого языка №1269
г.Москва*

*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«Вдохновение»

*Альманах
творческих работ учеников школы
«Литературный дебют»*

выпуск 16

2017-2018 учебный год

Альманах «Вдохновение»

(выпуск 16)

*включает творческие работы учеников школы
«Литературный дебют»*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арефьева
учитель русского языка и литературы
Заслуженный учитель России*

*А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.*

А.С.Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир ВДОХНОВЕННОЙ личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.
Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

*АРЕФЬЕВА Эльвира Александровна ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИИ*

ПОЛЕ

Название совсем простое,
И вроде ни о чём не говорит,
Но надо видеть те просторы,
И лишь на них мой мир стоит.
Как часто видела я утренний рассвет,
И словно что-то милое, родное
Меня ласкал лучей от солнца свет.
Я так хочу увидеть снова лето,
Я так хочу услышать тех ребят.
Тех, с кем была в тот чудный вечер,
Тех, с кем провожала я закат.

Полина Лабанас

УЧИТЕЛЬ - ЭТО ТВОРЧЕСТВО

*Мы слышим слово «Учитель»,
А в чём его истинный смысл?
Он молодому несет поколению
Нечто большее, чем нравоучение.*

Учитель передаёт бесценный навык размышлять, из побуждений добрых и искренних раскрывает учеников как личностей. Творчество – основополагающая деятельность в жизни человека, и в моей жизни играет важную роль. Я пишу стихотворения, в них мои размышления о жизни:

*Не хватает пони, радуги, цветов,
А ещё крылатых розовых слонов.
Недостаток бабочек, исполнений желаний.
Абсолютная нехватка взаимопониманий.
Нужно больше сочных фруктов, ярких новых идей.
Давайте будем улыбаться, заражать смехом людей!*

Я участвую в проектах и олимпиадах, в конкурсах чтецов и сочинений, даже в съёмках короткометражных видео. А вдохновляет меня и побуждает к каким-либо творческим занятиям моя любимая учительница русского и литературы Борисенкова Елена Владимировна. Она не даёт мне поблажек! Поэт не должен лениться, не может уставать!

Елена Владимировна отдаёт нам всю свою душу и энергию, ведь она сама - творческая личность, учитель, влюбленный в свой предмет. В моём понимании, именно таким и должен быть идеальный преподаватель, и нам несомненно повезло, что мы встретились в нашей жизни с таким человеком. Весной прошлого года Елена Владимировна рассказала нам о своём учителе литературы - заслуженном учителе

Российской Федерации Арефьевой Эльвире Александровне. Оказалось, что Эльвира Александровна до сих пор передаёт свои знания и опыт ученикам нашей школы. На примере Елены Владимировны мы можем видеть, какими выдающимися людьми становятся воспитанники Эльвиры Александровны. Мне думается, что именно благодаря ей наша бесценная Елена Владимировна вдохновилась на то, чтобы стать учителем и посвятить свою жизнь наставлению подрастающего поколения.

Конечно же, мне захотелось с ней познакомиться. Тем более что Елена Владимировна знала, как я хочу напечатать свои стихи, а Эльвира Александровна уже 10 лет выпускает альманах ученических работ «Вдохновение». Удача!

Вот так год назад я познакомилась с Э.А.Арефьевой. Я хотела узнать, как училась наша Елена Владимировна, чем интересны нынешние ученики, как работает Эльвира Александровна сегодня. В кабинете у Эльвиры Александровны столько альбомов со старыми фотографиями из жизни школы! Здесь и трудовой лагерь в Краснодаре, и путешествия в Пятигорск, Юрмалу, и походы по Подмосковию... Но самый интересный для меня альбом – альбом театрального кружка «Вдохновение», которым Эльвира Александровна руководит уже более 35 лет. Среди кружковцев я узнала Елену Владимировну! На той фотографии - репетиция «Женитьбы Фигаро».

А в этом году кружковцы на школьной сцене представляли инсценировки по произведениям А.С.Пушкина, А.Н.Островского, Мольера и Л. Филатова. Я обратила внимание на то, что в кабинете - экспозиция рисунков. Это работы Евгении Коваленко, выпускницы нашей школы, погибшей в 2000г. В 2002г. Эльвира Александровна организовала мемориальный музей «Вечные 20 лет. Евгения Коваленко». Я узнала, что Женя была творческой личностью: рисовала, писала пьесы, очерки, работала тележурналистом на канале ТВЦ. В её честь в школе ежегодно объявляются конкурсы рисунков и «пробы пера». Эти работы входят в альманах «Вдохновение», который редактирует Коваленко О.В., мама Евгении Коваленко. Я показала Эльвире Александровне свои стихи год назад.

В сентябре в 15-ом номере альманаха два моих стихотворения были напечатаны. Теперь и я среди участников «Вдохновения», как и другие ученики Эльвиры Александровны, как и наша Елена Владимировна. Не прерывается связь поколений! И возможно, кто-то из нашего класса по её примеру тоже станет педагогом с большой буквы. Профессия преподавателя одна из лучших профессий на Земле. И такие люди, как Эльвира Александровна и Елена Владимировна, - лучшее тому подтверждение, и благодаря людям этой профессии наша жизнь становится ярче, красочней и разнообразней.

Анастасия Астрецова

Над городскими серыми крышами
Летели голуби белые чуть слышно
И говорил один «явление привычное».
И другой подтверждал «ничего необычного».
И только я, рисуя мелом на асфальте,
Хотела голубям тем пожелать бы,

Чтоб долетели они быстро без происшествий
И чтобы целыми здоровыми прибыли на место
Лишь об одном прошу, прошу - не забывайте
Девчушку, что для вас писала мелом на асфальте.

Анастасия Астрецова

Бойся красивых, моё дитя,
они превосходные лжецы и убийцы;
тех, у кого не дрогнет рука,
тех, кто тебе в сладком сне лишь снится.

Тот, кто тянет к себе, как магнит,
станет твоей неземной пустотой.
Сколько демонов там внутри? -
Дьявол командует красотой.

Бойся прекрасных, моё дитя,
у них под рукой замирают птицы;
тех, кто, якобы так любя,
вонзает в каждую клетку спицы.

Слушаешь сутками ты меня,
видишь мир на моих ресницах.
Смотри же внимательнее, дитя:
ласточка спит на моих ключицах.

Татьяна Потапова

ИДЕАЛЬНОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

«В совершенствовании человека – смысл жизни».

М. Горький

Юля проснулась от яркого луча, скользнувшего на подушку. Солнце светило прямо в ее убранную комнату, а из окна, открытого во двор, доносилось пение птиц. Перед ее глазами возникла та же картина, что и обычно: идеальная чистота, шкаф в углу, который, несмотря на количество книг в нем, был все так же чистым; книги лежали аккуратными стопками. Белый стол, за которым девочка проводила большую часть своего свободного времени, был так же чист – лишь сбоку лежали несколько книг: «Война и мир», а также сборник задач повышенной сложности по химии. Из форточки дул легкий ветер и колыхал чистые белые занавески. На вешалке, прикрепленной к шкафу с одеждой, висела идеально выглаженная школьная форма.

Из кухни слышался звук радио и запах кофе – родители слушали новости. Так было каждое утро рабочей недели в семье Громовых.

Отец каждое утро надевал к завтраку свой костюм, чтобы после завтрака сразу же идти на работу, не теряя времени. Он считал неприличным завтракать в ночной рубашке, поэтому делал замечание всякий раз, когда видел жену или дочь в неподходящем виде, что, впрочем, случалось редко, и он сам уже не помнил, когда такое было в последний раз – его все слушались, как и всех строгих людей.

Мать была очень похожа на своего мужа, и поэтому к завтраку одевалась как на работу. Она всегда и везде успевала: на работу, на родительские собрания; у нее всегда было полно дел. Опоздания она считала неприличным, да и вообще она была очень ответственной, а больше всего на свете боялась потерять свою превосходную репутацию – под стать своему мужу.

- Доброе утро, - сказала мать дочери, одетую к завтраку в форму, стоило ей появиться на кухне. Отец лишь сухо взглянул на Юлю из-под толстой оправы очков и снова принялся читать газету. На клетчатой скатерти располагались три тарелки с манной кашей и чашки дымящегося кофе.

- В Москве всю неделю ожидается солнечная погода, - проговорила женщина из радио. Отец часто повторял, что просмотр телевизора во время еды ухудшает процесс пищеварения, поэтому единственный телевизор стоял в гостиной и использовался крайне редко.

Во время еды все молчали – лишь из радио доносился голос, оповещающий о происходящих в мире событиях.

- У вас будут сегодня проверочные?- прервал молчание отец, посмотрев на дочь поверх очков.

- Да, по истории, - Юля отпила свой кофе. Такие разговоры были нередки; за успеваемостью постоянно следили.

- Ты же понимаешь, какую оценку ты должна получить за эту работу?

- Пять.

- Мы ведь заботимся о твоём будущем, - добавила мать.

- Сколько людей гробят свое будущее еще в юности,- многозначно подтвердил отец. – Они не думают о завтрашнем дне – они проводят все дни напролет во дворах и невест с какими компаниями. Разве можно будет сделать из них опытных специалистов? Их даже в дворники не возьмут! И куда они пойдут? Что из них выйдет? Грабители? Убийцы?

Юля уже не могла представить, чтобы все было как-то иначе; родители ведь хотят как лучше. Прожив недолгую пятнадцатилетнюю жизнь с такой мыслью, она уже не хотела спорить с родителями – они опытнее, им виднее.

Школа располагалась в десяти минутах ходьбы от дома – через улицу. Солнце освещало листья кленов перед школой, отчего снизу они казались золотыми. Юля шла по кленовой аллее, ведущей к школе со школьной сумкой на плече. По этой же аллее шли и другие ребята. Кто-то один, кто-то с компанией; старшие и младшие. До урока оставалось еще достаточно времени, но Юля торопилась – надо было еще успеть повторить материал перед проверочной работой.

- Привет, зубрила!- ее толкнули в плечо, после чего послышался дружный хохот. Не повернув головы, она продолжила идти. Юлю догнала группа ее одноклассников, и один из них передразнил ее:

- Ой, какие мы гордые, - и снова этот глупый смех. Но девочка лишь боковым зрением видела их насмешливые лица и ничего не отвечала. Вскоре они потеряли к

ней всякий интерес и пошли дальше. Юля никогда не отвечала на подобное – зачем?

Школа напоминала забитый доверху улей. До урока оставалось пять минут, а гул все не умолкал. Одноклассники бродили около кабинета истории. Кто-то шутил, кто-то рассказывал о просмотренном вчера кино, а кто-то просто о чем-то беседовал; как будто и не будет сейчас никакой проверочной. Юлю всегда можно было увидеть с учебником или тетрадкой – она с детства была приучена к тому, чтобы учиться не покладая рук. Через несколько минут гул прервал звонок.

Сидела она на последнем ряду, и одна – учителя знали, что даже за последней партой она не скатится в оценках и будет учиться только на «отлично». Раздали листки с заданиями. Сидящая перед Юлей одноклассница повернулась к ней.

- Подскажешь ответы, ладно? С меня шоколадка.

- Нет, - сухо ответила та и, взяв ручку, подписала листок.

- Ну, пожалуйста, ну хотя бы в первой части,- она говорила шепотом с явным волнением – учитель уже ходил между рядами, но ответа не последовало.

- Вот зубрила, - злобно прошептала одноклассница и отвернулась.

«Человек должен добиваться всего сам», - говорил Юлин отец, поэтому она была уверена, что поступает правильно.

Закончив задание за десять минут до назначенного времени окончания и проверив их, девочка перевела взгляд на кабинет. Как и обычно, одноклассники обменивались записками с ответами, время от времени поглядывая на учителя. Солнце в окне отбрасывало на стены их длинные и подвижные тени.

День прошел незаметно, вот уже и последний урок подошел к концу.

- Ребят, пойдете в парк гулять!- разнеслось по кабинету, стоило учителю выйти. Вокруг одобрительно и наперебой слышались ответы. Такое явление было частым.

- Эй, Громова, пойдешь с нами?- спросил Юлю кто-то.

- Нет, - она никогда не понимала, зачем тратить время, когда есть много других полезных дел, тем более что до конца четвертого тома «Войны и мира» оставалось всего двадцать страниц. Она лишь собрала все в сумку и вышла из класса, ощущая на спине взгляды. Даже зная, что, стоит ей выйти, о ней говорили, крутили пальцем у виска, оставалась спокойна. словно с вершины смотрела она на копошащихся внизу муравьев; ее успехи в учебе возвышали ее над другими, как ей казалось.

Родители Юли уделяли внимание также физической подготовке дочери, поэтому уроки физкультуры не посещались Юлей лишь во время болезни. Отец никогда не интересовался спортом, скорее хотел, чтобы его дочь преуспевала во всем, а уроки физкультуры еще никто не отменял.

В тот день физкультуру проводили на улице – сдавали нормативы по бегу на километровую дистанцию. После построения учитель дал отмашку и нажал на кнопку секундомера. Кто-то по неопытности отважился бежать в полную силу сразу, но и те, вскоре запыхавшись, побежали медленнее. Юле не то чтобы нравилось бегать – скорее ей это было просто необходимо – чтобы получить заслуженную пятерку, но и неприятным занятием она это не называла – никто не лез и не подшучивал, лишь тяжело пыхтели где-то за спиной; было время подумать о своем.

День выдался теплым и солнечным. Над беговой дорожкой возвышались клены, старые, листья которых отбрасывали солнечные блики прямо в лицо, то к ногам бегунов.

Немного подгибались колени и кололо в бок, но Юля решила, что осилит эту дистанцию во что бы то ни стало, а значит получит свою пятерку. В ней проснулось любопытство: сможет ли она в отличие от других закончить бег в том же темпе, не

сбавляя его? Когда оставался всего один круг до окончания, в глаза бросился какой-то незнакомый мужчина в спортивной форме, стоявший рядом с учителем физкультуры и о чем-то с ним беседующий, при этом учитель все указывал в Юлину сторону. Наконец белая черта финиша скрылась под ногами, а над ухом пискнул секундомер.

- Три минуты и две секунды, - удивленно протянул физрук и показал секундомер тому мужчине в форме, - ты, Громова, бьешь все рекорды.

Девочка лишь опустилась на траву - держаться на ногах не было никаких сил. Дышать приходилось часто-часто, и в голове возник образ, как она сдувается у всех на глазах, словно шарик; о чем она думала, когда бежала? А, точно: когда уже в висках шумело, она уж было хотела замедлиться, но любопытство не давало покоя – сможет ли? Способна ли добежать? Она была упряма.

- Ты – Юлия Громова, верно?

- Да.

- И ты единственная из своего класса, выбежавшая из четырех минут, - он оглядел ее с ног до головы, этот неизвестный мужчина, взявшийся неизвестно откуда и одетый в олимпийскую форму, точь-в-точь как у российских спортсменов, Юля видела их по телевизору и на первой странице папиной газеты.

Увидев ее удивление, мужчина протянул руку, улыбнувшись.

- Меня зовут Михаил Александрович и я – тренер в спортивной школе олимпийского резерва, тренирую ребят в беге на длинные дистанции. Меня очень удивил твой результат, если учитывать, что ты никогда не тренировалась. Ты же не занималась раньше? Или может тренируешься?

- Нет.

- И раньше нет?

- Нет.

- Ты бы хотела тренироваться в беге на длинные дистанции?

- Нет. Я стараюсь ради оценок, а не ради результата.

Не зная, что ответить, тренер достал блокнот, ручку и записал что-то, после чего отдал Юле листок.

- Это адрес спортшколы и мой телефон на всякий случай, если надумаешь. У тебя великолепные данные.

Юля знала, что разговаривать с родителями по этому поводу бессмысленно – они бы ни за что не согласились. Профессиональные спортсмены в их глазах – легкомысленные авантюристы, не думающие о своем будущем, и они только и делают, что тренируются и выступают. Да и Юля не хотела туда идти, но листок почему-то не выбросила – положила в карман.

На перемене Юлю окликнул учитель химии.

- Юля, мне есть с чем тебя поздравить. Ты – единственная из своего класса, кто написал контрольную работу на пять; у тебя ни одной ошибки, а вот у Жени Куваевой все неправильно, к сожалению, самая худшая работа. И это уже не первый раз подряд, - Юля внимательно смотрела на учителя, а тот яростно жестикулировал руками, показывая, насколько он недоволен результатом какой-то Куваевой, одноклассницы, которую Юля почему-то не помнит.

- А тут еще четверть заканчивается, а у нее даже не двойка – очень много не сделанных работ, и она тут еще школу пропускает. Мне очень нужна твоя помощь, Юля. Сходи к ней сегодня после уроков, спроси, почему она не ходит в школу, и помоги ей с химией. Я напишу тебе ее адрес.

Для Юли подобное было в новинку – она никогда не была в гостях у кого-либо

из одноклассников, но раз ее попросили помочь... Разве можно отказаться?

Это была обычная пятиэтажная "хрущевка", напротив двор со старыми грязными скамейками. Девочка еле нашла нужный подъезд - их было много. Позвонив в домофон, представилась как одноклассница; входная дверь со скрипом отворилась и тут же - навязчивый запах кошек. Казалось, что в этом подъезде убирались не меньше года назад, а то и больше. Стены, покрашенные зеленой краской, замызганные и расписанные, казалось, делали пространство вокруг себя еще уже. Подниматься пришлось по раздолбанным ступенькам - лифта в доме не было.

Дверь открыла девочка в стареньком спортивном костюме и выглядела она очень уставшей. Ее Юля почти не знала, кроме того, что ее звали Женя. Слышала еще, что в прошлом она была успешной спортсменкой, из-за чего пропускала школу очень часто - соревнований много. Потом будто что-то случилось в ее семье, она бросила спорт и в школу стала ходить еще реже.

- Ты - Юля, да? - Женя улыбнулась как-то незаметно. - Ты извини, что я в таком виде, мы гостей давно не принимали. Да ты заходи, не стесняйся!

Юля вошла в тесную прихожую. На вешалке висело всего две серые куртки, одна больше другой, а под вешалкой стояли кроссовки, давно разношенные и какие-то протертые.

- Хочешь чай? Я тут вчера яблочный пирог испекла, - Женя засуетилась, вешая дорогое Юлино пальто.

- Да я, собственно говоря, пришла, чтобы помочь тебе с химией. Учитель сказал, что у тебя там все плохо, вот и попросил помочь, а заодно и узнать, почему ты пропускаешь школу. Ты болеешь что ли?

Женя посмотрела каким-то оценивающим и недоверчивым взглядом. Немного погодя сказала:

- Нет. Родители работают с утра до ночи. А у меня... У меня младший брат маленький еще, правда он сейчас спит. Пойдем, я чай тебе налью.

Было стыдно отказываться - не хотелось обижать человека. После такого "короткого введения в жизнь" она по-другому взглянула на сложившуюся ситуацию.

Кухня, гораздо меньше, чем можно себе представить, несмотря на тесноту, было очень даже уютно. Дым от пирога медленно поднимался вверх и растворялся, не долетая до лампы, а аромат пирога уже распространился на всю кухню. Для Юли это было чем-то необычным - у нее дома никогда не пекли пирогов. Было бы здорово предложить родителям испечь такой же, а то и пригласить кого-нибудь в гости, но тут же себя одернула - вряд ли родители допустят, и вообще, она не из-за пирога пришла.

А дальше, после небольшой трапезы, началось самое сложное. Оказалось, что Женя абсолютно ничего не знает, но чувство уверенности не покидало Юлю - почему-то, даже неожиданно для себя, она оставалась уверенной, что Женя - способная к учебе, и ей просто что-то мешает учиться лучше. Уж не ее ли обстоятельства в семье? Девочка схватывала все на лету, и после двух часов упорной работы удалось пройти четыре темы из пятнадцати.

- Почему ты не учишься как следует? У тебя ведь есть способности, смотри, - кивнула в сторону исписанных листов тетради.

- Не хочу. Мне это не нужно, понимаешь? Лишняя трата времени. Кто-то знает уже, кем стать в будущем, кто-то просто чем-то увлекается. У меня нет цели, понимаешь? Чего мне хочется, я вообще не представляю. Вот ты к чему стремишься?

- Ну, я стараюсь учиться, чтобы в будущем стать юристом.

- А как ты поняла, что тебе нравится именно это?

(Нравится ли ей то, к чему ее так старательно направляли родители?)

- У меня родители юристы.

Внезапно взгляд Юли упал на фотографию, стоящую на видном месте на книжной полке. На ней была женщина, а рамка фотографии была обернута черной лентой. Женщина смотрела прямо и уверенно, а глаза - точь-в-точь Женины. Все стало понятно, и спрашивать было как-то неловко...

Еще долго Юля не могла уснуть. Настенные часы медленно отсчитывали секунду за секундой. В этой тишине стуки стрелки были особенно гулкими. Сон не шел. Все лезли мысли о том, что кто-то живет совсем иначе. И как можно жить, если не знаешь, к чему идти? Есть ли у меня цель? - эта мысль впервые всколыхнулась у Юли.

Утро было пасмурным, дождливым и холодным. Девочка открыла глаза, но вставать не хотелось. А потом - все как обычно: запах кофе, радио, папина газета, без которой не обходилось ни одно утро. Спустя двадцать минут Юля была уже на кухне.

Оглянулась. Белые шкафы, стол, салфетки в стакане, большое окно - свет легко проникал в кухню. Тут же всплыла кухня у Жени - темное помещение, куда даже с открытыми окнами свет проникал с большим трудом. Небольшой стол, старые стулья.

Уроки в тот день прошли незаметно, а Юля опять направилась к Жене, которая встретила гостью с улыбкой.

- Ты в школу когда собираешься? - подруга лишь пожала плечами.

- Зачем? Что мне там делать?

- Экзамены скоро.

- Ну и что?

Юлю такое отношение жутко разозлило, она как будто закипала изнутри.

- Так, как только я помогу тебе разобраться с уроками, ты вернешься в школу. Понятно?

- Проблема в том, что я не знаю, что делать дальше, кем мне быть.

Юля опять замешкалась, переминаясь с ноги на ногу.

- Ну, ты же раньше спортом занималась. Неужели не хочешь стать тренером или спортивным врачом?

- Со спортом у меня связано много воспоминаний, да и травма у меня из-за перегрузки коленей - тренироваться противопоказано. Все, связанное со спортом, возвращает меня в те времена, когда все было хорошо. Да, насчет профессии врача я думала, и не раз. Помню, как-то помогла своей знакомой с тренировки, когда та получила травму, оказала первую помощь, что значительно облегчило ее выздоровление. Как же давно это было... Вообще, знаешь, мне доставляет удовольствие помогать людям. К сожалению, чтобы стать врачом, надо знать химию, как свои пять пальцев, - она вздохнула глубоко, задумалась. - Словом, не знаю я вообще, как жить дальше.

И снова тягостное молчание, которому, казалось, не будет конца.

- Хочешь чай? - Юля кивнула. Порой чай помогает выходить из сложных ситуаций. Завари, расслабься, подумай - решение придет.

И пришло. Юля придумала, как помочь своей подруге, не хотелось, чтобы эта единственная ниточка, способная вытащить ее из сложившейся ситуации, оборвалась. Тем более, что у нее уже созрел определенный план.

Спустя неделю Женья все же вернулась в школу. Неуверенно оглянувшись по сторонам, прокралась в класс. Давно не находясь в этой обстановке ей казалось, что на нее устремились все любопытные взгляды, что ее будут осуждать, или, того хуже,

говорить за спиной. Она не узнавала сама себя. Раньше ее всегда ставили другим в пример, ей восхищались; она легко побеждала других именно благодаря этому качеству – уверенностью в себе. Ее способность, такое необходимое в жизни качество, с которым она по жизни бок-о-бок, исчезла, оставив место страху перед этим обществом.

Единственное свободное место было рядом с Юлей, в самом конце класса, у окна.

- Что-то у меня странное ощущение. Видно, давно не была в школе.

- А с кем ты раньше общалась? Были же у тебя друзья?

- В том-то и дело. Я постоянно пропадала то на тренировках, то на соревнованиях, после школы – сразу на тренировку. В школу я приходила учиться, некогда было общаться – надо все выучить, иначе дома не успею. Да и похоже никто и не хотел со мной разговаривать.

За окном был уже ноябрь – время пролетело быстро. Вот уже и первый снег пошел, мелкий, белый. Опускался на землю и тут же таял; было все еще слишком тепло. Листья уже лежали на земле и приобрели коричневый цвет. В серых лужах, разбросанных повсюду, отражалось синее небо. В такую погоду не поймешь толком, что падает с неба – снег или все же дождь.

- А потом, после той травмы, бег доставляет мне невыносимую боль, поэтому бегать я могу лишь для себя, да и то не больше получаса, а дольше – невыносимо.

- А каким спортом ты занималась? Уж не легкой ли атлетикой?

- Именно. Бег на средние дистанции, очень любила восемьсот метров бегать, где нужна не только выносливость, но и скорость. Длинные бегала тоже, но реже. Думала, что доберусь до Олимпиады, но судьба решила иначе. От травм, знаешь ли, никто не застрахован, сделать уже ничего нельзя. Надо жить дальше.

Впервые Юля встретила такого человека, и она поразились Жениной стойкости. Новая знакомая, а теперь и сосед по парте, несмотря на все нашла в себе силы и не впала в отчаяние. В то же время Женя не изображала из себя кого-то, не пыталась быть лучше, чем есть, но при этом и не изображала из себя страдальца. Или же она так мастерски скрывала все, что происходило у нее внутри? Каково это – когда человек лишается возможности заниматься тем, чего требует душа? Юля и не предполагала, что Женя каждый день, утром, в любую погоду наматывала круги в небольшом парке неподалеку, чтобы не дать суставам окончательно ослабеть. Бегала она теперь медленно, и даже получаса не хватало – ей хотелось еще и еще, хотелось насладиться чувством полета и свободы, что дает бег. Ноги сжимались изнутри, но она не могла остановиться; через боль и слезы пыталась ускориться, а потом садилась на скамейку, ждала, пока боль хоть немного утихнет, и после еще минут пять бегала. И все равно было мало – приходилось включать голову и уговаривать себя, что суставы не выдержат, их надо беречь, и шла домой. С первого взгляда чувствовался в ней внутренний стержень, отличавший ее от других, пусть и пыталась она жить, как все.

Именно эта «идеальность» не снаружи, а внутри поразила Юлю. Вспомнилось, как она, приходя домой, пока родителей не было дома, впадала в отчаяние от четверки или, того хуже, тройки, а с приходом родителей изображала «идеальную» дочь, которая всегда все знает, у которой всегда все получается – ведь именно этого требовали ее родители. И именно сейчас она осознала, что устала. Не физически – морально.

- А ты, как я вижу, идеалистка, - прервала ее мысли Женя, кивнув на дневник, в котором красовались одни пятерки. Это подтвердило Юлины мысли. Пора что-то менять.

За обедом собралась вся семья. Отец и мать, как всегда уставшие, но в опрятной одежде, как на работе. Рядом чашки с дымящимся чаем. Слышно лишь голос из приглушенного радио – оповещали о температуре и времени. Теперь девочка, взглянув на это все, представила себе дорогой ресторан. Практически никаких отличий, только это место называется домом. Она лишь подумала, и, наверное, впервые – к чему вообще все это? Почему нельзя быть естественным, а надо сидеть в костюмах и изображать из себя аристократов? И во всем этом молчании раздался неуверенный голос:

- Почему мы так живем?- она не сразу поняла, что сказала это вслух.

Родители удивленно посмотрели на дочь, а девочка сжалась, почувствовав себя еще меньше и немогшее.

- А что ты считаешь не так?

- Ну, - неуверенно начала она, - почему я изображаю из себя идеалистку? Почему не могу жить нормальной жизнью? - Отец и мать удивленно переглянулись, а Юля продолжила:

- Почему мы обязаны вести себя так, как будто мы не семья? Почему я вообще делаю то, что мне совершенно не нравится?

- Но, подожди, у всех есть свои обязанности!- прервал ее отец, поправив очки, внезапно съехавшие набок.

- Я не об этом. Вы хотите сделать из меня юриста, а я этого вообще не хочу! Вы твердите, что я должна быть везде лучше всех. Вы ведь все еще думаете, что я идеальная, да? Что у меня все всегда получается? Я устала играть такую роль! - в Юле все больше и больше закипала злость, рвалась наружу, а кровь стучала в висках и лицо налилось краской от ярости. Она толком не могла понять. На кого больше злиться – на себя или на родителей, но понимала, что больше себя не контролирует. Такого никогда не было, она испугалась последствий, но говорить продолжала как прежде.

- Мне уже надоело, что я должна делать то, что вы считаете нужным! У меня тоже есть свои интересы!

В порыве эмоций резко встала из-за стола, схватила сумку с физической формой и адрес, который ей выдал тренер, и выбежала из дома. До самого стадиона она бежала, не чувствуя ног. Только перед большим продолговатым зданием она остановилась. Над входом надпись «Дворец спорта». Мимо проходили ребята с рюкзаками и сумками, не обращая внимания на Юлю, а она не понимала, почему прибежала именно сюда.

Все тучи куда-то пропали, и теперь свежий снег блестел на солнце, а здание казалось еще больше; на близлежащую улицу падала эта огромная тень. Возвращаться домой она посчитала бессмысленным, а потом ей очень хотелось сделать что-то, чего родители не очень одобряли. Сейчас – подходящий случай. Ничего не оставалось, как войти внутрь – на улице без шапки было очень холодно.

Внутри сильно пахло какой-то резиной. Из больших окон падали на пол квадраты света. Было оживленно. На лавочках напротив гардероба сидели родители, маленькие дети бегали между лавочками.

Слева от гардеробной был длинный коридор, а сверху табличка со стрелкой и надписью «Легкоатлетический манеж».

Вот откуда такой запах! Тут им было пропитано, пожалуй, все. Это был огромный зал с высоченными трибунами, до потолка. Сложно вообразить, сколько тут могло бы поместиться человек. Отовсюду раздавались свистки, голоса тренеров и лязгание железа, доносившееся из угла манежа, где стояло большое количество тренажеров. Здесь было пять дорожек по прямой, метров сто, пять дорожек по кругу. Всюду мелькали лица: уставшие и счастливые, довольные и задумчивые – невообразимое разнообразие эмоций для Юли, привыкшей жить в строгости и безэмоциональности.

К ней подошел мужчина, в котором она узнала Михаила Александровича. На нем был все тот же спортивный костюм.

- Пришла все-таки, - он похлопал ее по плечу. - Попробуем. Может, и выйдет из тебя что-нибудь.

На первой в своей жизни тренировке Юле понравилось. Не то, чтобы очень, но ничего, терпимо. Кросс в пятнадцать минут она пробежала как на физкультуре, правда бегала она далеко не так быстро, как другие, которые даже не запыхались. Затем последовало бесчисленное множество упражнений; сил оставалось все меньше. Михаил Александрович тренировал небольшую группу, но Юлю либо не заметили, либо просто не обращали внимания. Девочка сразу догадалась, что сюда приходят с конкретной целью – тренироваться, а не заводить новые знакомства; каждый сосредоточен на себе и своем результате. Она и не заметила, как прошли эти два часа. Только к концу тренировки поняла, что окончательно вымоталась, и сил нет вообще никаких. Голова кружилась от длительного бега, а горло, казалось, сжалось после отдышки, но та злость ушла, как будто и не было ничего; злоба уступила место усталости.

Стоило выйти из Дворца спорта, как в нос ударил морозный запах. Впервые в жизни она ощутила себя по-настоящему свободной. Шла вдоль улицы, хрустя снегом, снежинки кружились в своем танце и опускались на землю, освещенные светом фонарей. Впервые за долгое время девочка улыбнулась, и от этого стало лучше, легче. Мимо проезжали машины. Проспект, машины были окутаны белым покрывалом. Мимо проходили уставшие, озлобленные люди, погруженные в свои мысли, закутавшиеся в шарфы и капюшоны. Среди них, в толпе, шла девочка, и никто не видел ее спрятанной за шарфом улыбки. Давно ей не было так хорошо.

Дома было тихо. Отец работал у себя, а мать мыла посуду на кухне.

- Температура воздуха в Москве все еще остается на уровне минус пяти градусов, - доносилось из радио.

Юля тихо вошла. Ее прихода либо не заметили, либо не хотели замечать. Осторожно прокравшись к себе в комнату, чтобы не привлекать внимание родителей, она легла спать. Правда, заснуть удалось не сразу – было страшно от ожидающего ее завтра. Выговор родителей? Или все то же молчание, что сейчас? А впрочем, она сама напросилась – выскочила тут со своим мнением, как какой-то революционер. Одна хотела все изменить, одна против давно сложившихся правил и законов, царивших в ее семье. Не надо было этого делать. И на тренировку она больше не пойдет – сейчас ей просто хотелось сделать что-то противоречащее родителям, подумала девочка. Зачем тратить время зря?.. Да и не так уж ей и понравилось, успокоила она себя.

Стоило наступить следующему дню, как все вчерашнее показалось лишь страшным и тревожным сном. Но не тут-то было. Как во сне, Юля встала, и еле удержалась на ногах: все болело и ныло, не сразу сообразила, что это – результат вчерашнего двухчасового занятия.

К завтраку она пришла, как обычно, в форме. Родители уже завтракали. Из-за раскрытых штор виднелись сугробы, за ночь выпало огромное количество снега.

- Ты где вчера вечером была? - отец сердито посмотрел на дочь.

- В спортшколе, - она не умела врать. Да и зачем скрывать сейчас?

Глаза родителей округлились, и они переглянулись между собой.

- А что ты там забыла?

- На тренировке была. Мне сказали, что у меня способности.

- Способности? Спортшкола?! К чему у тебя там способности? Что за спорт? - взорвался отец.

- Бег. На длинные дистанции, - голос звучал все тише и неувереннее. Тело сжалось от страха; с каждым сказанным словом девочка чувствовала себя все меньше и меньше.

- Это же абсурд! Пустая трата времени! К чему доведет все это? Ты видела, что показывают про профессиональных спортсменов? Ты знаешь, что они после окончания карьеры оказываются выброшенными из нормального общества? Не могут адаптироваться к жизни? А здоровье? Его же просто нет! Работа на износ! Ты хоть слышала, что им собирают кости по частям? Что вкручивают в позвоночник стальные стержни? - отец разразился, словно гром среди ясного неба.

- И потом, в чем смысл просто бегать? Все время, все дни напролет? Бегать, бегать, а от чего бежать?! - он стучал своей огромной ладонью по столу в такт своим словам, отчего в чашках с кофе пошли небольшие волны. Удивительно, как они еще не опрокинулись.

В голове все запуталось, затуманилось, как будто внезапная усталость. Надо было остановить этот нескончаемый поток слов...

- Я больше туда не пойду, - прервала она возмущенную речь отца.

- Лучше подумай о своей будущей профессии, - добавила мать; ответа не последовало.

С неба все падали мелкие снежинки. Юля вышла из дома пораньше. Снег хрустел под ногами, а на тротуаре оставались следы; еще никто не успел пройти – только Юлины следы.

Странно, думала она. Вроде и не хочется вступать в конфликт с родителями, но с другой – жить, как раньше, уже нельзя. Давила мысль о том, что переступив порог школы, надо притвориться идеалисткой – невозмутимое лицо, идеальные оценки. Она изо всех сил подавляла в себе желание перечить родителям и напоминать о том, что ее что-то не устраивало, ведь они – старше, а значит, знают жизнь лучше, чем она в свои пятнадцать. Но с каждым днем усталость все больше оседала и давила изнутри, и не было никакого желания учиться на «отлично». Нет, учеба была ей интересна, не хотелось делать все ради оценок, как этого требовали отец и мать.

Женя, все еще сидевшая за одной партой с ней, замечала, что что-то не так, и не могла догадаться, пока в какой-то день Юля получила, наверное, единственную в своей жизни тройку по химии. По предмету, в котором она разбиралась лучше, чем все в классе вместе взятые.

- Громова, что с тобой? - вопросительно посмотрел на нее учитель, а она не могла ответить. Да и как объяснить, что думала она совершенно не о химии? В классе раздались удивленные возгласы: «Громова? Тройку?», «Невозможно!».

Маска таяла на глазах. Было не плохо – невыносимо. Когда все более-менее уgomонились, Женя положила руку на плечо Юле, чтобы подбодрить ее.

- Давай после уроков зайдешь ко мне и расскажешь; мне смотреть на тебя жалко. Я хочу тебе помочь.

Юля лишь кивнула, хотя больше всего ей хотелось плакать, рыдать. Она сдержалась – на людях неприлично.

- Что с тобой происходит? У тебя все хорошо? Или в семье что-то?

Юле было неловко. Никто никогда так, напрямую не спрашивал ее, что она чувствует.

- Да так, с родителями немного поссорилась. Да и не то чтобы поссорились, - в голове полный бардак, и с каждым словом в горле все растет комок.

А потом она все рассказала. Все, что накопилось в ней за все это время, и слезы беспрерывно лились из глаз. Было стыдно показать свою слабость и беспомощность, но остановиться было уже невозможно; все равно, что остановить бурю.

Женя не перебивала. Эта Юля была для нее примером для подражания – училась на отлично, оказалось, еще и подает надежды в спорте. Ей хотелось помочь, как не помогли в то время, когда ей, Жене, это было необходимо...

Сначала несчастный случай, из-за которого она не могла оставаться дома – все в доме напоминало ей о матери, а с отцом ей было невозможно поговорить. Он молчал, запирался в комнате, и почти всю ночь напролет, выходя на балкон, курил. И она стала пропускать школу. Сначала один урок, потом два, день, второй – пропадала в спортшколе. Тренировалась по пять-шесть часов, даже когда тренер уходил, до самого закрытия манежа, лишь бы хоть немного затушить боль. Не получалось. Не убежала... Ее настигла физическая боль от разрыва связок коленного сустава. Врачи в один голос твердили, что перетренировалась, пора завязывать. И никто не мог ей помочь, не с кем ей было поговорить. За всю свою недолгую спортивную карьеру она так и не смогла научиться доверять тренеру – ей казалось, что ее уважают лишь из-за ее результатов, а не как человека. Друзей у нее как таковых не было, а жаловаться всем попало – стыдно и мерзко. Теперь она, смотря на свою подругу, не хотела, чтобы та осталась без поддержки. Кроме того, раз уж Михаил Александрович, многократный чемпион России, пригласил Юлю в свою группу... Может, у нее получится добиться того, чего не удалось Жене?

- Знаешь, насчет твоих родителей. Им надо доказать, что у тебя есть способности. Это нельзя забрасывать, слышишь? Тем более, если тебе это так нравится. Когда следующая тренировка?

- Завтра, - успокоившись, вытерла оставшиеся слезы с глаз. Стыдно. Подумать только! Взяла и выплеснула эмоции, и ее почему-то не стали осуждать, а поняли. Необычно. Женя была опытнее – жизнь ее не раз испытывала на прочность, и Юле она была примером, на который хотелось равняться.

И снова начались будни, похожие друг на друга. Школа чередовалась с тренировками, а дом со школой. Желание бегать с каждым днем все ярче и ярче проявлялось – словно проснулась какая-то внутренняя сила и желание жить. После нескольких месяцев ежедневных тренировок, привыкла к нагрузкам, и три километра были для Юли не проблема. Ей даже нравилось это – длинные дистанции представляли собой не секунды, как спринт, а минуты бега, и было достаточно времени, чтобы погрузиться в мысли, и никто не будет мешать. Вообще тренировки представляли собой постоянный, почти беспрерывный бег, иногда со сменой скорости – для развития выносливости, реже были занятия на тренажерах. Для стайера на первом месте – все же выносливость, подкрепленная скоростью, которая приходит лишь со временем – Юля слышала это от более опытных спортсменов из ее группы.

Единственная проблема, с которой она пока что столкнулась – поздние приходы домой и отсутствие свободного времени после школы. Родители ничего об этом не знали – Юля каждый раз утверждала, что ходит на дополнительные занятия в школе, а говорить правду пока не решалась, но знала, что все раскроется. Жизнь стала похожа на сплошное противоречие; даже понимая, как родители относятся ко всему, связанному с этой деятельностью и вспоминая возмущенную речь отца о легкомыслии... и все равно шла тренироваться. И потом – все сначала.

- Давай, давай! Беги, беги, немного осталось! – сначала крик тренера, а потом писк секундомера прямо над ухом. В глазах искры, а в голове шум. Нос, забитый запахом резины, уже ничего не чувствовал. Вдох-выдох, вдох-выдох. После напряженного бега воздух все еще тяжело поступал в легкие.

- Превосходно! Одиннадцать и двадцать пять. Если пробежишь так на соревнованиях – второй взрослый разряд у тебя в кармане. Но помни о том, что можешь и лучше.

- Что? – Юля до сих пор была как в стеклянной оболочке – все видит, но не слышит.

- Неплохо пробежала. Постарайся на соревнованиях на следующей неделе.

- Хорошо, - было жарко, а от лица, казалось, шел пар.

По дороге домой вспомнилось, что родители не отпустят на соревнования, не говоря уже о том, чтобы прийти и поболеть за дочь. Да и ничего зрелищного – три километра – самая длинная дистанция на предстоящих соревнованиях, - подумала она. - Только человек и беговая дорожка.

- У меня соревнования через неделю, - и не было смысла скрывать, уже устала от этого.

- Что? – отец прекратил есть, а мать даже выпустила ложку из рук, и та со звоном упала на пол. - Какие соревнования? Ты что?

- По легкой атлетике. Через неделю.

- Ты что, совсем? Уж не хочешь ли ты заявить, что собираешься стать профессиональным спортсменом?

- Мы же договорились, что ты больше не будешь ходить тренироваться, - добавила мать. - Что же будет с твоими оценками?

- Только не говори, что ты хочешь задвинуть учебу на задний план!

- С оценками у меня все в порядке, - ответила она сухо, - А вот почему я не могу участвовать? Почему не могу попробовать себя?

- Мы же заботимся о твоём будущем! Если будешь продолжать в таком темпе, пропускать школу ради каких-то там соревнований, неужели ты думаешь, что будешь учиться так же? Учеба и спорт несовместимы.

- Если вы, правда, заботитесь обо мне, так считайтесь с моими интересами.

Отец снял очки и протер салфеткой лоб, а мать налила себе стакан воды. И снова тягостное, невыносимое молчание, и неизвестно, чего ожидать.

- Да что с тобой происходит? Почему ты стала такой? Что вообще подвигло пойти в эту спортшколу?

- Подруга.

- У тебя появились новые знакомства? – насколько Юлины родители знали, последняя подруга была у нее еще в детском саду.

Тиканье часов становилось все громче. Вечный, непрерывный темп времени.

- Просто придите, пожалуйста, - Юля устала говорить на повышенных тонах, а потому говорила тише.

Отец надел очки.

- Сложный вопрос. А как же твоя мечта стать юристом?

- Это ваша мечта. Если вы так обо мне заботитесь, придите и поддержите. Ровно через неделю, в шестнадцать часов.

- Разговор окончен, - отец налил себе воды, а мать положила руку себе на лоб.

Девочке оставалось лишь ждать. Самое главное – не подавать повод для беспокойства родителей, а значит учиться, учиться и учиться.

- И что, удалось уговорить? - поинтересовалась Женя на следующий день. Была большая перемена, и вокруг то и дело проходили шумные одноклассники. Приходилось говорить громче, чем обычно.

- Я не понимаю их; как будто они и согласны, но в то же время против... Словом, я не знаю, чего от них ожидать.

Дома девочка никого не обнаружила, когда пришла после школы. Сумка со стуком упала, и некоторые учебники вывалились на пол, и не было никаких сил, чтобы ее удерживать. Воспользовавшись тем, что ее никто не видит, Юля встала напротив зеркала, висевшего в прихожей, сняла пальто и осмотрела себя с ног до головы. Когда она смотрела на себя в последний раз? Из-за плотного распорядка дня на это просто не было времени. Посмотрела – и едва узнала себя. Вместо форменной юбки и пиджака – черные брюки и свитер. Раньше она бы никогда не позволила себе прийти в таком виде в школу. Обветренное лицо и глаза, какие-то уставшие, казались еще больше, да и вся она как-то уж сильно похудела, изменилась.

Незаметно прошло время до соревнований; загруженные будни чередовались с не менее загруженными выходными.

Ну, вот и наступил наконец тот день, решающий все. Юля предчувствовала, нет, знала, что эти соревнования что-то, да изменят в ее жизни. Пропали страх и неуверенность. Бывает, что устаешь от неуверенности (не верите?), от страха, и постепенно мир начинает проявляться в каком-то другом свете, и ты лишь с холодным спокойствием наблюдаешь за происходящим.

Накануне того решающего дня, перед тем, как лечь спать, Юля раскрыла шторы и выключила свет. Сквозь отступающие облака показались яркие звезды. И тишина, от которой шумело в ушах. Сон никак не шел, и девочка вспомнила детство. Первый раз в первый класс, первая пятерка; первая во всем даже тогда. До того, как она начала тренироваться, нашла занятие помимо школы, ее жизнь была похожа на карусель – каждый день одно и то же. Да и разве было у нее детство? Пока все дети ее возраста бегали во дворе, она сидела дома, за учебниками – родители говорили, что это правильно – она также считала это в порядке вещей. Стоило взглянуть на себя с другого ракурса, и ужаснулась. Если бы не знакомство с Женей, с которой все и началось, она бы и сейчас жила так же, за учебниками, в форме. А дальше – работала бы юристом, как того и хотели родители. И так – всю жизнь. Она и впрямь дернула головой, чтобы отогнать эти мысли. Правильно: настала пора что-то менять, а значит – надо начать с себя.

Следующий день был солнечным, и на небе не было ни облачка, и снег блестел, как россыпь мелких кристаллов. Деревья, полностью усыпанные снегом, красовались на фоне голубого неба, при этом подчеркивая серость многоэтажек вокруг.

А дома – аромат кофе, без которого не обходилось ни одно утро.

- Я уже устал делать тебе замечание. Ты куда идешь – в школу или на прогулку? – отец сложил газету пополам, хотя только начал ее читать.

- Но у нас так можно, всем разрешают. Мне что, нельзя что ли?

- Это все возраст,- шепнула мать отцу, тот лишь покачал головой.

- Ты, насколько я вижу, специально сопротивляешься. И не только нам – всему, что раньше для тебя было в порядке вещей. Что происходит?

- Мне просто надоело делать вид, притворяться. Я хочу жить так, как мне хочется, делать то, что мне нравится, а не то, что хотите вы. Вы думаете, я хочу стать юристом? Да мне эта профессия в страшном сне снится!

- Пожалуйста, спокойнее! Кем ты тогда собираешься стать, раз так?

- Тренером.

- Подожди, ты серьезно хочешь связать свою жизнь со спортом?

- Мне это нравится. Кроме того, я не хочу просидеть в душном офисе всю жизнь.

Пока Юля надевала пальто в прихожей, услышала своих родителей, которые старались говорить тихо – специально.

- Раз она считает, что поступает правильно, то почему бы просто не поддержать ее? Она уже взрослый человек и вполне самостоятельный,- голос матери.

- Да уж, взрослая – тяжело с ней разговаривать стало.

- Вспомни себя в ее возрасте. Может, все это не просто так? Может, из нее правда выйдет достойный тренер? Ей же это нравится...

- Ладно, попробуем дать ей шанс. Главное – чтобы она учебу не забрасывала.

- Она – ответственный человек. Надо научиться больше доверять своей дочери. Мне тоже непривычно это ее поведение, но ведь она растет, у нее появляется собственное мнение. Это в порядке вещей.

Сколько она не разминалась, все равно было холодно. То ли действительно от холода, то ли от нервов. Во время разминки все оглядывалась по сторонам – нет ли родителей? Но их не было среди людей, сидевших на трибуне.

- Помни о тактике, о которой я тебе говорил на тренировке. выступи как следует, главное – не волнуйся, - подбодрил ее Михаил Александрович; надо было успокоиться и привести мысли в порядок.

Зарегистрировавшись, ей выдали одиннадцатый номер, а тем временем до забегов оставалось не больше десяти минут.

Люди все приходили и приходили, но родителей нигде не было видно. Неужели, передумали? Послышался выстрел стартового пистолета.

- Юля, готовься, твой забег следующий,- напомнил тренер. И правда – первая пятерка участниц из первого забега уже начали соревноваться. Из пятерки выделился лидер – та, что тренировалась у Михаила Александровича. Высокая, худая, она всегда отличалась выносливостью и желанием быть первой. Говорили, что в свои шестнадцать она уже являлась кандидатом в мастера спорта, а значит, подавала надежду на участие во всероссийских соревнованиях. Она и выиграла забег с большим отрывом.

- Приглашаем участников второго забега пройти на старт.

Ну, вот и пришло время показать, на что способна. Доказать самой себе, что все не зря, что у нее и вправду есть способности.

- На старт!

Вместе с Юлей на старт проходят еще четверо – их лиц она не видит; видит лишь дорожку и белую полосу, за которую нельзя заступать во время старта... Холод, дрожь – все слилось вместе, и вот уже в кровь бьет адреналин, и хочется скорее

сорваться с места!

- Внимание!..

Как же долго тянется время до выстрела! Каждая секунда как минута. Нажимайте уже на курок!

...И выстрел над головой. Вперед! Бежать, не отставать от всех! Пульс в голове и в ушах заглушил все остальные чувства. Как же она ошибалась, когда думала, что во время забега можно будет подумать! Какие там мысли...

Как только в забеге выделился лидер, главное теперь – не отставать. Слишком громко колотится сердце и не видно ничего, кроме дорожки.

Какой круг я бегу? А точно, уже пошел третий; Юля только сейчас вспомнила, что надо считать круги (прим. автора: Всего необходимо пробежать пятнадцать кругов, если учитывать, что в крытых манежах каждый круг по двести метров, а дистанция три километра). Хотелось ускориться, но так бы она лишь себя загнала – надо беречь силы и проявлять терпение.

А впереди – лишь дорожка, огражденная белыми полосами. Без каких-либо раздумий проходят еще пять кругов. Оставалось не так уж и много, и надо было наращивать темп; остальные тем временем тоже немного ускорились. Не хотелось признаваться даже самой себе, что устала, ноги уже свинцовые, в ушах шумит и не хватает воздуха. Не ожидала она, что на соревнованиях бегать гораздо тяжелее, чем на тренировке.

В какой-то момент земля ушла из-под ног, и все вокруг повернулось вверх ногами. Все произошло как в замедленной съемке – она упала, и только спустя нескольких секунд встала. Люди на трибунах ахнули, кто-то хлопал. Юля не могла проиграть так просто! Чтобы наверстать упущенное, пришлось ускориться. И тут, как специально, она увидела своих родителей. Они что-то кричали и активно жестикулировали руками. Пришли!

Вот теперь точно надо доказать, что все не зря! Мысль об этом придавала сил, и до финиша было добежать уже не так сложно. Усталость в мышцах она упорно не хотела замечать – оставался всего круг. Вот где идет настоящая борьба! Все уже перешли на ускорение, из последних сил.

Вот она, финишная прямая! Ноги отказывались двигаться быстрее, надо выжимать из себя последние силы. Белая черта все ближе. Еще немного!..

Обессиленная, подобно выжатому лимону, Юля упала на колени прямо тут, на дорожке. В горле ком, мешающий вздохнуть полной грудью, а на шее больно и с невероятной частотой пульсирует артерия. Потом она еле-еле добралась до трибун.

- Молодец, Юля. Очень хорошее начало! С таким временем тебя допустят на второй этап, - тренер пожал ей руку.

- Мы бы никогда не поверили, что ты способна на такое, - добавил отец. - Я не особо разбираюсь в этом спорте, но смотреть было интересно. Михаил Александрович рассказал нам, о твоих стараниях, и мы тут подумали, - он посмотрел на мать, на лице которой виднелась улыбка, и та кивнула, ... - что были не правы. Если тебе и правда нравится заниматься этим – пожалуйста. Хочется, чтобы ты прожила счастливую жизнь. Только учиться не забывай.

А потом объявили результаты второго забега, в котором Юля прибежала второй. Итоговый результат – шестая из пятнадцати.

Пульс более-менее успокоился, и дышать стало легче. Поверить в происходящее было все еще сложно.

- Юля, я к тебе с благодарностью, - оказывается, Женя тоже пришла поддержать

подругу. - Благодаря тебе я поняла, кем хочу стать, - ее глаза светились от счастья; она говорила радостным голосом. Они шли домой, а родители Юли шли сзади и разговаривали, обсуждая сегодняшние события, и Юля поймала себя на мысли о том, что ее родители никогда почти не разговаривают между собой. Может, теперь ситуация несколько изменится?

- Я буду врачом! Ты же помогла мне тогда с химией, и когда я написала последний тест на пять, я поняла, что разбираюсь в этом предмете. Я же тебе рассказывала, что отказывалась от этой мечты, так как боялась, что не сдам его. Благодаря тебе я смогу осуществить задуманное. Я так тебе благодарна! Глядя на таких людей, как ты, хочется помогать им, а ведь профессиональных спортивных врачей, к сожалению, не так много. Буду помогать спортсменам восстанавливаться после травм, - она говорила с таким азартом, что невозможно было не поверить, что она не добьется своего.

Было уже темно, а с неба опять сыпались хлопья снега. Мимо проходили уставшие люди, бросая длинные тени на желтые от света фонарей сугробы снега. Все было так привычно, но по-новому в то же время. Дышать стало легче, что ли, и не было больше страха – Юля была уверена, что теперь ее поймут, поддержат.

Что ждет ее дальше? Трудности еще впереди – она прекрасно это осознавала, да и как же без них жить? Главное – она сделала шаг вперед. Теперь она не играет чужую роль, и ей нравится быть такой, как сейчас – дышать свободной грудью. Рядом подруга, способная поддержать в трудную минуту, и родители, с которыми она добилась взаимопонимания.

И мечта, цель, ради которой можно жить.

Наверное, в этом и есть счастье.

Анна Дронова

Поэма ДРЕВО

1

В лесу величество деревьев,
Душу зеленью согрев,
Стремительно молчит.
Песней тихой унывая,
Деревья ветер обвивает,
На кроны жадно сев.
И древ зелёный лик
Листвой таинственно шумит,
Но каждый лик из них
В братстве общем состоит.
Качаясь, ветви на ветру,
Впиваясь в братскую кору,
Примкнули к стеблям,
А в бору, ведя колючую игру,
Стоят, внимая кружеву,

Великие сосны, и землю
Греют наяву.
И птицы, всадники берёз,
Создатели чудесных гнёзд,
Внимая синь и вышину,
Летая в вольности в лесу,
Имели родный дом.
И как гласит тому закон,
Закон природы и земли,
Что истина – в гармонии,
Но лукавая ирония,
В плену души теней,
Желает вечно жить
Под боком у людей.

2

В течение серых дней,
Под светом жадным фонарей,
Всю душу зеленью изгрев,
Стоит, печалью омертвев,
Одно из многих прежде древ.
Образ древа совсем нагой
Оно не желало судьбы иной,
Хоть вместо птичьей любви
Ночами жглись фонари
И редко порхали голуби.
Там, где когда-то цвела поляна
И падали тихо жёлуди,
Трели птиц где звучали так рано,
Сейчас уж не майской сирени розы
- Печальные серые слозы,
Бордюров крутые пороги,
Что пылью градской убоги,
Бегущие в даль дороги.

Ветвями древо, небеса моля,
Тянулось к ним день ото дня,
К морю облака и туч,
Что скрыло солнца златолуч,
К отцу безумного дождя.
Но грустен был отца ответ,
Он, старик уж много лет,
Под покровом света херувима
Пустил на землю только сына,
Что вторит жадно грому
И в трепет вводит всю природу.
Когда вдруг начал дождь идти,

Не оказалось в городе земли,
Что будет пить дождливые труды,
Но древо, сын земли,
Не мог остаться без воды.
Корней поил он древу цепи
И листьев холод увлажнял,
По коре он шёл в капельной сети,
Так сухость древа дождь отнял.
А дерево стояло благодарно
И вспоминало дни отратно,
Как когда-то целый лес
Поил безмерно сын небес.

3

Осень настала рано,
Ищет облако в небе изъяна,
А листья древесные все пожелтели
И птицы последние вновь улетели.
Новостройки казались осенней рощей
И столб фонарный, ужасно тощий,
Вместе с забором казался природой,
Ещё не воспетой лирической одой.
Как лес осенний, фонарь нагой,
Но древо не может осенней порой
Без ветра сбросить лиственный слой,
И плакало древо нежной смолой,
И ветви тянуло тяжёлые к небу,
Внимая последние запахи лета,
К отцу хулиганского ветра.
Из западных далей ветер летел,
Сметая всё ошумевшей гурьбой,
Как холодом землю пригрел,
Начал свершать феерический вой,
Что крыши домов,
Срываясь, до облаков
Улетали на ветреный зов.
И ветер кочующей мощью воя
Рвал провода, выводил из строя.
И, разрушая город без пауз,
Превратил его в панический хаос.
Но листья сорвал он тяжёлые с древа
И вихрем тесьма их золотая взлетела,
Кружевами усыпав дороги,
Проходим лаская бегущие ноги.
Но сила потока воздушных рек
Вырвала ветвь древесной руки

И пала она с листвою на век,
Дав безвозвратный обет
В снегах уснуть до весны,
А весною стать подобьем листвы.
Так ветер унёс криком печали
Осенние листья в дальние дали.

4

Зимние вьюги ветви кутали,
Снег валился белыми слухами,
Одно, во мраке кратких дней,
Хлодело древо всё скорей.
В плен взял его холодный иней,
Свет оно видало тёмно-синий
В дурмане северных ветров.
Снег морозил древа кров
Лукавым смехом облаков.
И кто же мог спасти от снега
Ветви нежные у древа,
От небесных щедрых слёз,
Но лишь о том, что сын замёрз
Зимою плачет небо.
А древо все корни сжало,
В одиночестве умев
Справляться с чередой бед,
Но вьюга наступала,
Как змея пустила жало,
И фонарный был не виден свет.
И ураган завыл,
И градус ближе к тридцати,
И надо всё перенести,
И кровь смолы древесных жил
Бежала вторя урагану.
Снег валил и снег валил
И ветви падали,
Но что залечит рану?
Древо выбилось из сил
И ветер вновь взревел руладу,
Снег валил и снег валил...
Такплыли медленные дни,
Но дни прошли,
Бегущий снежный дым остыл,
Стих тревоги пыл,
Притихла снежная рулада.
Дух древа зиму пережил.

Сон зимы прошёл с весною,
 Солнце чудом вдруг явилось,
 Лучезарным видом обратилось
 И светом наземь в щедрости излилось.
 Снег сошёл под синей пеленой
 И вод сияющей игрой
 Явил земле весенний строй.
 И древо бодро пробудилось,
 Теплом воды так радостно напилось,
 И видит – вновь, как раннею порой,
 Плат неба – нежно-голубой!
 И вновь полно то древо сил,
 Которых так старательно хранил
 Отец дождя, и ветра, и грозы
 И сын космических светил.
 Полон безоблачных свобод
 Голубизной цветущий небосвод.
 И оседлали птицы ветви,
 С юга вновь они вернулись
 И прыгали, совсем как дети,
 По древу и предметам улиц.
 Набухают снова почки,
 Словно маленькие дочки
 Ранимых веток у деревьев,
 А где-то ведь остался лес,
 Где поит деревья половодье,
 Как должно быть по природе.

Люди стали в круг собираться,
 Умно на дерево глядя,
 И, шагом древо обойдя,
 Красою стали любоваться
 Природного творенья,
 Что сердце вводит в упоенье.
 Творенье видит светлость лиц,
 Под пенье сладкое синиц
 Радостью своей ослеплено,
 Не ведая, что суждено,
 Не ведая зелёный рок,
 Как прольёт последний сок...
 Видит древо:
 Человек,
 В расцвете невеликих лет,
 Несёт в руках большой предмет,

Он получил такой приказ,
Свыше отданный наказ,
Свершить своею собственной рукой
Поступок вроде как простой,
Да лишь бы думать головой.
Вдруг заревел безжалостный мотор
И человек бензопилой
Коснулся дерева коры
И птицы разлетелись с той поры,
Не звук услышав растерзной,
А чуя запах слёз, смолы,
Когда пила пронзила пополам
Могучий древа стройный стан.

Ах, как последней веткою живой
Махнул он молча небу,
Внимая тихому напеву,
Прощаясь с жизнью городской,
Когда на землю повалился
Великий воин неживой,
Когда мотор так вдруг сменился
На ветра вновь кричащий вой,
О том, что пал, окончив бой,
Последней истины герой.

Федор Манишин

Хочешь, чтобы я рассказал тебе сказку? Знаешь, ты ведь уже очень большая для сказок, в тебе больше нет места для новых. Ты переполнена до краев ими, ты однажды даже можешь захлебнуться во внутреннем море своих сказок, они шумят в тебе и волнуются. Ты сама- прекрасный голубой кит, разрезающий этот океан. Ты- сказка-венец.

И поэтому я расскажу тебе тебя.

Но ведь у любой сказки, как полагается, должен быть зачин? Что ж, попробую не соврать. Хотя бы в начале.

Жила была одна девочка.

Одна очень закрытая, сложная девочка, которая любила мечтать. Но она не показывала этого. Все думали, что она очень открытая, веселая девочка, и хорошо ей живётся на этом свете. Девочка эта мечтала каждый день. Да не вдаль, а сиюминутно.

Вот за окнами автобуса проплывает мокрая заснеженная темная улица, и по ней идёт человек. А она тут, в тепле, в свете. Она сама- тепло и свет, а внутри, засасывающая все, но маленькая чёрная точка. И лучами своими она смотрит в седую и колючую кружащуюся тьму, смотрит сквозь стекающие наперегонки маленькие капли. Смотрит на запорошенного, уткнувшегося в шарф покрасневшим носом и

всего-то съёжившегося прохожего.

И мечтает. И мечтается ей горячо и тягуче, душно мечтается, сумеречно. Так, что горячий комочек в груди растёт и ширится, распирая рёбра.

Видит она этого прохожего, и всю его жизнь. Ему двадцать пять или чуть больше. И он спешит в свою маленькую съемную квартирку к разбросанным носкам и накипи на чайнике. Он спешит. И мечтается ему колко и остро, мечтается ему быстро, неуловимо, болезненно и стыдливо. Блестящий чайник и собранные носки, тёплая желтая комната, а там, за занавеской, на подоконнике - комочек света с книгой, который и делает маленькую комнату похожей на солнечную колыбель и Дом.

Девочка, которая любит мечтать.

Она не слышит, как он тихо вошёл в квартиру и долго пытался бесшумно повернуть ключ в замке. Она не услышала бы, даже если бы он поворачивал его громко-громко. Она смотрит в темноту улицы своими лучами сквозь стекающие наперегонки капельки и ищет там знакомый колкий силуэт человека с поднятым воротником пальто и синим шарфом.

Он на цыпочках заходит в комнату.

Она не слышит. Книга в её руках терпеливо ждёт ещё толики внимания от той, которая всегда заботлива и не мнет страницы, которая любит прижаться кончиком носа к шершавой обложке, пахнувшей типографской краской и улыбнуться. Если бы книга знала, что он уже здесь, за занавеской, она бы возмущённо зашелестела страницами, встрепелулась, взревновала и заплакала.

Он каждый раз отнимает у книги единственный контакт с внешним миром. Её.

Внимательные юные глаза вглядываются в темноту. Неожиданно книга буквально вылетает из рук и со стуком падает на пол. Она вздрагивает.

- Ой. Ты уже здесь? - Улыбка ранним весенним солнцем озаряет его лицо, комнату, лежащую на полу книгу.

- Ты почему в пальто зашёл? Смотри, весь-то в снегу, заболеешь. - Он смеётся. На руках спускает свою звезду с высоты.

- Пойдем. Я сегодня отполировала наш чайник. Видел, как сверкает? - Она поднимает с пола книгу и бережно ставит на место.

Он поднимает её на руки.

Кажется, за окном рассвело?

Нет, глупости.

Двенадцать ночи.

Холод и тьма.

Они, держась за руки, идут на абрикосовую кухню, и слышится громкий радостный свист помолодевшего металлического чайника.

- Остановка Цветной Бульвар.

- Девушка... Это конечная.

- А... Да. Как я могла пропустить. А ещё бардак разгрести. И чайник...

Ты спрашиваешь, почему мои сказки обрываются на самых интересных моментах? Отвечу. Потому что мои сказки- это ты. И досказанность вмиг превратит твой океан в болото, сказку- в реалистическое произведение, а голубого кита- в консервированную кильку.

И потому я замолчу ещё до того, как твои пушистые ресницы дрогнут, чтобы уронить слезу, или уголки губ поползут вверх, стремясь растянуться в улыбку.

Ведь ты сама способна придумать себя. Ты всегда умела.
А затем оплакать и высмеять, оскорбить и вознести.
Именно поэтому сегодня и завтра мои сказки будут о тебе и...
Нет.
Закончишь сама.

Тина Сасунова

Я ОПЯТЬ О СВОЕМ

Давай побудем в тишине... Выключи телефон, не трогай пульт, по ту сторону экрана всё давно уже превратилось в маскарад.

Прислушайся... слышишь? И я нет. Ни одного звука. Тишина в доме. И мы наедине с ней. На полу играет солнце. Этот треугольник света. Представляешь, какое расстояние преодолел этот луч, и вот он, у нас. Ничто его не остановило, ни расстояние, ни облака, ни деревья.

Скоро кончится лето. Скоро забудет нас август. Среди зелёных, ещё живых листьев, обязательно найдётся уже жёлтый листок. Ветер колышет их всё лето, а они до сих пор держатся. Один только что упал. Летит. А ведь и человек так же. "Весной" он растёт, набирается сил. "Летом" живёт, дарит этому миру красоту, доброту, "осенью" чахнет, стареет, а "зимой" и вовсе умирает... Умирает... Слишком это грустно звучит, даже как-то неправильно, но и падает про человека не скажешь...

У тебя очень красивые глаза. На солнце они такие прекрасные. По бокам они голубые, вокруг зрачка желто-коричневые. А в правом глазу есть оранжевая крапинка. Они такие счастливые...

Извини, я задумался. Солнце скрылось, совсем не то уже. Тоскливо на душе. Шторы больше не переливаются золотом. Они напоминали мне золотой водопад. Прости, глупо звучит...

У тебя чай стынет. Посмотри на пар, как он красиво клубится, а потом растворяется, будто его и не было... Может человек, как пар? Опять я о своём...

Кто-то разговаривает за окном... Только представь. Сколько людей на планете, у каждого свои мечты, фантазии, мысли. Каждый человек особенный и нет такого другого. Только представь, мы сидим здесь, а ведь когда-то, быть может, кто-то уже был тут, имел дом, семью. А вдруг здесь кого-то обокрали сотни лет назад? А может, когда-то здесь впервые увидел свет ребёнок. Всё же мы разные, каждый пишет свою историю, но раз за разом повторяет чью-то.

Пойдем во двор?

Ах, этот изумительный запах природы! Аромат нежных цветов вперемешку с запахом леса. Просто фантастика. Всё вокруг такое зелёное. Этот чудесный шум листьев, замечала, как он похож на шум волн? Представь себя на берегу...

Шум ударяющихся о пляж волн. Ты стоишь на тёплом песке, ветер приятно обдувает лицо. Волосы развеваются на ветру. Пахнет морем. Слегка солоноватые губы от морской воды. Ты ступаешь по песку к линии, разделяющей эти два загадочных мира: мир земли и мир океана. Шаг, второй. Раскалённый песок слегка обжигает ноги, но какой же он мягкий, так приятно идти по нему. Кажется, что ты сейчас увязнешь в нём, но нет. Ты идёшь по нему, разрушая песчаные горы. Вот он отвердел и стал

холодным. Еще шаг, и вода коснётся тебя. Ты робко и несмело делаешь этот шаг, и мурашки быстро пробегают по твоему телу. Медленно переносишь и вторую ногу. Вода кажется такой прохладной после горячего песка. Ты такая счастливая, на твоём лице сияет улыбка. А смеясь, ты похожа на ребенка.

Открой глаза. Что ты видишь? Снова мы посреди сада. Всё то же небо. Всё те же деревья. Жаль, что солнце скрылось от нас.

Открой глаза.

Денис Сидоров

КНИЖНЫЕ СУДЬБЫ

Я лежу и глажу его по щеке, приобнимая. Нам так хорошо вдвоём... Не правда ли? Хах, кажется, я никогда не устану прокручивать у себя в голове нашу первую встречу. И, конечно же, нашу совместную жизнь, обернувшуюся, пожалуй, настоящим Чистилищем.

Мы встретились довольно давно, но я, к сожалению, – или к счастью? – так и не смогла понять тебя.

«Книги не падают с обрывов», – сказал ты при нашей первой встрече и улыбнулся, пока ветер ласкал твои тёмные волосы.

А я... Я лишь глупо улыбнулась в ответ, не зная, как реагировать и как понимать твои странные слова. Ты всегда был для меня человеком-загадкой. Человеком, к сердцу которого надо подобрать особый ключ. И за что ты меня полюбил? Знаешь, я даже и подумать не могла, что тогда, на той самой набережной, ты обратишь на меня внимание и одаришь взглядом своих голубых и глубоких, словно бескрайнее море, глаз. Но ты заговорил со мной. Не знаю, надеялся ли ты на то, что я пойму тебя, или нет, но ты решил продолжить наше странное общение, не ведущее ни к чему хорошему.

Ты водил меня гулять по паркам, увозил за город, где мы вместе смотрели на небо и мечтали о светлом будущем, до которого, казалось бы, можно было дотянуться кончиками пальцев. Прямо как до облаков, пролетающих порой так низко. Ты восхищал меня, маня своими загадками и секретами, а я... Наверное, я тоже была закрытой книгой, раз ты говорил со мной на своём языке. Но, как известно, у каждого писателя свой стиль, и из-за этого книги иногда не сходятся.

Мы жили так счастливо первое время, что ты пригласил меня переехать к себе, и я согласилась. Когда утром я пекла твоё любимое печенье, ты обнимал меня со спины и шептал на ушко:

«В мечтах на кухне пахнет счастьем».

Я всё хихикала, а ты ведь знал, всегда знал, о чём говоришь. Ты всегда был счастлив, приходя на кухню. Наверное, потому что там была.. Я? Хах, не слишком ли эгоистично с моей стороны, милый?

Но, как я и думала, вечно жить в счастье невозможно. И у нас начались ссоры. О

нет, ты не виноват, всё дело во мне. Это я всегда была слишком вспыльчивой, а ты всё терпел, даже не повышая на меня голос. Но один вечер стал для нас роковым.

– Почему ты такой *непонятный*?! Почему ты ведёшь себя так *странно*?! Хватит этих загадок, я тебя *такого ненавижу*!

Простые слова... Простые, но до жути глупые. И что же ты тогда сделал? Нет, ты не стал кричать. Не стал ругаться и уходить из дома. Ты просто сказал...

«Во время заката я создам новую личность».

Тогда я лишь зло посмеялась над тобой, не поверив тебе и не восприняв всерьёз. Но ты, мой милый, доказал, что можешь постоять за свои слова. Ты ушёл тем вечером и не возвращался до тех пор, пока не изменился совершенно. Загадки? Секреты? Тайны? Больше ничего этого не было в твоей речи. Ты стал прямолинеен и груб, словно повидавшее виды дерево. Чёрствая кора и паразиты, лакомящиеся внутренностями – вот кто ты теперь. Больше нет улыбки на твоём милом лице, нет той жизни, что раньше была из тебя ключом. Твои слова, словно ледяные осколки, царапающие сердце и искажающие душу.

Ты был настоящим волшебником, который мог зачаровать кого угодно своими неоднозначными речами, а сейчас ты словно встал на сторону Зла, решив показать, на что способен.

Я поняла, что совершила самую страшную ошибку в своей жизни. И я должна была со всем этим разобраться...

Я лежу на спине, а ты привалился ко мне, склонив голову к моей груди. Я улыбаюсь и глажу тебя по бледной, холодной щеке, которая никогда уже не будет радовать меня своим теплом. Я вновь смеюсь, а на твоих губах улыбка больше никогда не появится. И я рада этому, рада, как никогда!

Похоже, я нашла свой идеал. Ты такой беспомощный и беззащитный... Ты теперь одна большая загадка, но ты больше не сможешь сбивать меня с толку своими непонятными фразами! Больше никогда, *никогда* ты не скажешь мне ни слова, и я *никогда* не усомнюсь в твоей *адекватности*!

Я смеюсь всё громче, и слёзы текут по моим щекам. Чёрт. Почему ты до сих пор так нежен? Почему кровь, что льётся из твоей груди, становится прекрасным розарием, а не смертоносным морем?

Что же с тобой не так?!

Что ты сказал мне перед смертью? Что заставило меня плакать?

Я сильно сжимаю твои щёки и поворачиваю твоё умиротворённое лицо к себе. Я тебе напомню, раз не хочешь сознаваться!

«Он держит мёртвые цветы».

В том-то и дело! Мёртвые! Мёртвые, как ты сам!

Так, хватит. Надо успокоиться. Ты говорил... Кажется, что-то про книги, да? А мы с тобой, *милый*, упадём, вопреки твоим словам. Ты всегда был загадкой для меня, мы всегда были книгами. И раз уж я поменяла ход твоей истории, так и финал у неё должен быть соответствующий.

Я беру тебя на руки: ты лёгкий, потерял много крови. Мы вместе выходим из дома, вместе идём к обрыву. Кажется, теперь я понимаю, почему ты выбрал именно это место. Я подхожу к краю всё ближе, но меня не пугает плеск волн. Он такой же ласковый, как и ты.

Чёрт.

Почему-то всё напоминает мне о тебе.

Засмеявшись в свой последний раз, я шагаю вниз. Теперь уже, в полёте, который длится, наверное, целую вечность, я беру тебя за руки и целую. Слёзы летят вверх, но это ничего: скоро они нас догонят. Обнимаю тебя в последний раз.

– *Как же я тебя ненавижу... Как же я тебя люблю.*

Анастасия Шушкова.

КАША И БУСЫ

Когда мне было 12 месяцев, я очень трепетно относилась к своему внешнему виду, особенно когда я садилась завтракать.

Утро. Мама зовёт к столу. На завтрак – манная каша. Я кричу: «Буси! Буси!»

Мама бежит искать бусы, надевает их на меня,и я иду есть кашу.

Стол. Манная каша. И я с бусами. Как в лучших домах!

Без бус я не завтракала!!!

Екатерина Яковенко

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г окончила с золотой медалью школу №1269 г. Москвы. Выпускница МГУ им. Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» ТВ Центр (Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г. Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка, 25), в музее Экслибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Аквармарин», «Садовое кольцо» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В. Высоцкого, реж. Р. Сотириади), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности-21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия, 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2014 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования. Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: +7 (495) 305-70-20

Сетевые ресурсы, посвященные Евгении Коваленко:

<http://www.evgenia20.ru>
<http://sch1269v.mskobr.ru>
<http://www.netslova.ru/kovalenko/>
<http://www.artinfo.ru>

Евгения Коваленко. Эскизы из серии «Танец», 1999

Из жизни школы № 1269

